

УДК 94(430)

**РЫЦАРИ, СЛУГИ, СМЕРТЬ: К ВОПРОСУ ОБ УПОМИНАНИИ ПРОСТОЛЮДИНОВ
В УСТАВАХ ДВОРЯНСКИХ ОБЩЕСТВ ФРАНКОНИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

© 2025 К.С. Осипов, А.А. Бельцер

Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 28.06.2025

Ссылка для цитирования: Осипов К.С., Бельцер А.А. Рыцари, слуги, смерть: к вопросу об упоминании простолюдинов в уставах дворянских обществ Франконии позднего средневековья://Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Том 7. 2025. Номер 3. С. 100-111.

Статья посвящена взаимодействию низшей знати с представителями других сословий средневекового общества, одним из отражений которого стало упоминание различных категорий простолюдинов в текстах уставов дворянских обществ Франконии. Наличие подобных упоминаний в важнейших для организации документах указывает на принципиальную значимость регламентации подобной коммуникации. Опираясь на материалы общества Застежки и общества Лебедя, определено функциональное и социальное назначение затрагиваемых категорий простолюдинов в структуре дворянской организации. Их присутствие демонстрирует многогранность и динамичность отношений благородных и неблагородных представителей социума в период позднего Средневековья.

Ключевые слова: Священная Римская империя, Франкония, низшая знать, дворянские общества, простолюдины.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-3-100-111

EDN: AEUJLL

Средневековое общество предстает перед современными исследователями в качестве высокоорганизованной иерархической структуры, отличающейся наличием значительного числа статусных, профессиональных и иных границ, ограничивающих движение отдельного человека внутри социального организма. И хотя совокупность данных границ не отличалась их абсолютной непроницаемостью, а в иных случаях существование таковых и вовсе могло быть нивелировано в силу различных причин, тенденция к демаркации неизбежно довлела над его обитателями. Структуру данного общества справедливо вслед за О.Г. Эксле представить в виде «власти сообществ», взаимно детерминирующих и дополняющих друг друга, заключая определенный круг функций в среде каждой отдельной группы¹. Сословия, как наиболее широкие группы средневекового социума, являлись ключевым элементом его стратификации как на уровне статусного и правового положения, так и в сфере взаимных представлений их членов друг о друге.

Элитарность сословного положения и стремление дистанцироваться от прочих элементов, реализуя совокупность собственных прав и привилегий, была наиболее характерна для средневекового нобилитета. Представители благородного сословия отличались наибольшей степенью антагонизма в отношении представителей противоположного социального полюса – простолюдинов, из числа которых наибольшее недовольство дворянства вы-

Осипов Кирилл Сергеевич, магистрант. E-mail: Kirill.Osipov1337@Yandex.ru

Бельцер Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения. E-mail: abelhist@yandex.ru

зывали горожане. «Теперь я замечаю, что достаточно многие молодые дворяне идут учиться, так что их родители и друзья, если они обучаются и идут учиться, еще больше радуются, когда слышат правильно произносимые искусные речи, позади них же осмеливаются говорить сыновья портных и сапожников, также обучаясь не только ученым искусствам, но также позорно присвоив рыцарское оружие и доспехи, серьезно пользуясь ими, чтобы защищать их город словно добрые люди», – писал франконский дворянин Людвиг фон Айб Младший². В период позднего Средневековья в среде немецкого дворянства нарастает тенденция к социальному замыканию, выражаящая стремление сохранить элитарность сословия путем его изоляции от проникновения неблагородного элемента. Наиболее ярким проявлением подобного феномена в немецкоязычных землях Священной Римской империи стало возникновение дворянских обществ – эгалитарных союзов низшей знати, регламентирующих социальное поведение участников и предоставляющих пространство для коллективной реализации дворянского статуса и политических амбиций³. Данные организации наиболее жестко ограничивали присутствие любых неблагородных элементов в собственном составе: подчеркивалось, что их участники должны происходить исключительно из «достойных родов», а для дворянина, взявшего в жены женщину статусом ниже его, полагалось исключение из общества и запрет на участие в турнирах⁴. Тем самым всякое присутствие простолюдинов в дворянских обществах не допускалось.

Вместе с тем внимание исследователя феномена дворянских обществ обращают на себя периодические упоминания в их уставах людей определенно неблагородных, но выполняющих ряд необходимых для организации функций. Наиболее заметно таковые упоминания фиксируются в уставах дворянских обществ Франконии XIV-XV вв., периода расцвета их существования⁵. Несмотря на кажущуюся очевидность их функционального назначения важно отметить, что нормативные тексты Средневековья едва ли возможно воспринимать исключительно *per se*, руководствуясь строгой прагматикой современного документооборота. Упоминание (притом неоднократное!) простолюдинов в столь агрессивной в их отношении дворянской среде в тексте главных для ее организаций документов – явление показательное. Само их наличие неизбежно ставит перед исследователем вопрос о причинах их появления. Почему для дворянства Франконии оказалось важным упомянуть данных участников деятельности дворянских обществ в их учредительных документах? Какая роль отводилась им в функционировании организации? Ограничивалась ли эта роль чисто прагматической необходимостью обслуживания существования дворянского коллектива? Совокупность данных вопросов составляет проблематику настоящего исследования.

I. Благородные и неблагородные в пространстве социальных коммуникаций

Прежде чем переходить к рассмотрению источникового материала, необходимо отметить основные тенденции в рассмотрении взаимоотношений и взаимного восприятия различных групп средневекового общества в современной историографии. Структура социальных контактов между сословиями оказывалась куда сложнее, нежели категорический антагонизм в отношениях «дворянство–город», «благородные–неблагородные». Природа взаимодействия знатного и простого человека множественно преломлялась в череде разнородных комбинаций социально-политических отношений. И если для отношений крестьянства и дворянства неизбежной доминантой выступало определение первыми последних прежде всего в качестве сеньоров, то отношения знати и горожан были детерминированы данной амбивалентностью в значительно меньшей степени.

Взаимодействие города и дворянства в позднесредневековых немецких землях было исполнено взаимопроникновением. Уже с XIII века представители низшей знати все чаще занимали позиции городских фогтов, полевых командиров военных контингентов города или наемников в их составе⁶. Они также могли проживать в городах и распоряжаться соб-

ственностью и даже получать права гражданства⁷. В свою очередь горожане, в особенности представители патрициата, в период позднего Средневековья все чаще проявляли интерес к дворянскому образу жизни: допускали проведение турниров в собственных городах и даже претендовали на участие в них с собственным рыцарским снаряжением⁸. При этом нельзя не отметить, что совокупность данных взаимоотношений не была лишена противоречий и взаимной враждебности участвующих сторон⁹. Однако для нас важно прежде всего то, что модель данной коммуникации в принципе не была одномерной.

Вопрос о проникновении дворянской культуры в систему мировосприятия патрициата также составляет важную часть данных взаимоотношений. Современные исследователи этого феномена говорят о возрастающей в период позднего Средневековья дифференциации благородного сословия и формировании «параллельной» родовитому и, преимущественно сельскому, дворянству группы «городского дворянства», рекрутируемой из числа аnobилированного элемента в городской среде и патрициата имперских городов¹⁰. Речь идет не о простом заимствовании благородного образа жизни, а о расширении представлений о принадлежности к благородному сословию в целом. Для дворянства в исследуемый период концепция благородства базировалась на происхождении – наличии минимум четырех подтвержденных благородных предков со стороны обеих линий, беспрерывном участии членов семьи в турнирах сроком не менее 50 лет¹¹. Авторы из среды горожан и духовенства выводят благородство из иных критериев. Например, Феликс Фабри лишь отчасти вносит дворянские представления в собственную градацию критериев благородства, из которой следует, что *veri nobiles* точнее называть городское дворянство в не меньшей степени, нежели иное¹². Исходя из этого возможно говорить скорее об формировании «различных полюсов» благородного сословия, нежели о амбивалентной дифференциации знать–горожане. Дворяне, несмотря на собственные критические соображения, относились к подобным представлениям в определенной степени прагматично: значительная часть их статусной активности (для которой вместе с тем требуется публика) происходила в городах, а их нахождение внутри городских стен не в последнюю очередь зависело от расположения городских властей¹³. Границы взаимного неприятия тем самым скорее обострялись и затуплялись в зависимости от многих факторов социально-политической динамики, нежели находились на протяжении исследуемого периода в исключительно статичном положении.

При всей собственной закрытости дворянское общество как совокупная группа представителей благородного сословия не могло быть полностью изолировано от социальных контактов с иными группами. Для функционирования и реализации коллективной деятельности дворянам приходилось вступать в диалог с представителями прочих сословий. В этой потребности кроется, на наш взгляд, одно из возможных объяснений появления простолюдинов в текстах дворянских уставов.

II. Политика и прагматика

Необходимость политического взаимодействия с представителями городских властей требовала регламентации данного процесса в текстах дворянских уставов. Прежде всего договариваться приходилось о проведении турниров в пределах города. Ключевым условием данных переговоров являлось достижение «защиты и покровительства (Schutz und Schirm)» – отказа от взаимного военного преследования со стороны участников, и обеспечение взаимной защиты на протяжении турнира¹⁴. Этому вопросу посвящен ряд статей уставов Турниров Четырех Земель – серии общемемецких турниров 1479–1487 гг., организуемых членами дворянских обществ¹⁵. При этом говорится, что «следует о защите, безопасности и сопровождении просить наших милостивых господ Вюрцбурга и Бамберга, их обоих капитул и город»¹⁶ – то есть к властям этих городов дворяне обращаются как к «милостивым господам» наравне с их капитулом, т.е. князем-епископом¹⁷.

Контакты с городами осуществлялись не только по поводу турниров. Дворянские общества часто собирались в пределах городских стен. Так, члены франконского общества Застежки проводили собственные собрания и трапезы в капеллах Девы Марии сначала в Нюрнберге, а после – в Вюрцбурге, что нашло отражение в их уставе¹⁸. Здесь же отмечается необходимость пригласить к столу всех причастных к организации слуг. Присутствие представителей городских властей на подобных трапезах также не было редкостью – члены общества Застежки вполне могли сидеть с представителями нюрнбергского патрициата за одним столом¹⁹. Тем самым в рамках подобных политических контактов дворяне вполне могли выстраивать диалог с представителями города как с равным субъектом власти. Однако такие коммуникации не следует переоценивать: так, после долгой полемики согласно статьям «компромиссного» Гейльбронского турнирного устава 1485 года патриции формально могли претендовать на участие в турнирах при условии прохождения испытания четырьмя благородными предками, однако едва ли данная уступка имела широкие последствия ввиду скорого окончания проведения общенемецких турниров два года спустя²⁰. Распорядки танцев, проводимых после турнирных состязаний в Нюрнберге начала XVI века, говорят в свою очередь об исключении патрициата из участия в данном процессе²¹.

Коммуникация дворянства с неблагородными представителями средневекового общества не ограничивалась политическими переговорами с представителями городских властей. Она включала в себя ряд контактов с наименее влиятельными персоналиями из числа простолюдинов – слугами, «наемными исполнителями», наличие которых требовалось для функционирования дворянского общества. Прежде всего к числу таковых относились посыльные. Между главой общества и его отдельными участниками велась постоянная коммуникация – созывы общих собраний, турнирных кампаний, извещения о смерти кого-либо из членов общества – эти сообщения составляют основу для внутреннего обмена информацией²². Деятельность посыльных, как и ее финансирование, также регламентируется: «<...> если же кто-то не может прийти, тот может за себя прислать законного человека, и причитающееся главе капитула в качестве жалования и расходов на посыльного, должно быть добровольно оплачено состоящими в этом обществе»²³.

Финансовая сторона функционирования дворянского общества также предполагает наличие контактов с неблагородными представителями города – кредиторами и ростовщиками. В случаях, когда члены общества не могли по каким-либо причинам собрать необходимую сумму ежегодных взносов, необходимые деньги предполагалось взять в долг. «Также было установлено, если кто-либо будет нуждаться в деньгах, тогда тому занять необходимо, если он не отправит их обществу, как написано и установлено, тогда должны король и двое [советников] всей своей волей и властью занять денег у евреев или христиан, и ущерб от этого должен понести и возместить тот, кто денег на сбор не предоставил и должны мы все помочь ему [в этом]»²⁴. Обращение к ростовщикам тем самым составляло один из путей финансового снабжения дворянской организации, мобилизуемых для привлечения необходимых для ее существования средств.

Турниры также не обходились без участия различных слуг, зрителей и приглашенных гостей из числа горожан. Тем не менее авторов турнирных уставов волновала в первую очередь регламентация турнирных состязаний, порядок допуска на турнир и правила поведения для его участников, нежели материальная или социальная стороны мероприятия, которые и требовали привлечения неблагородных. Упоминания подобных практик крайне редки. Тем не менее на турнире в Бамберге в 1486 году 20 горожан, облаченных в доспехи, были выставлены вокруг ристалища для обеспечения безопасности зрителей, предотвращая случайные наезды сражающихся всадников. Эти горожане приводятся в тексте устава поименно²⁵.

Таким образом, совокупность упоминаний простолюдинов в текстах уставов дворянских обществ Франконии обусловлена политической необходимостью поддерживать контакты с властями городов для осуществления деятельности в пределах их юрисдикции, функциональной необходимостью привлечения слуг, ростовщиков и иных горожан для нужд общества. Однако исследуемые тексты не ограничиваются подобными упоминаниями.

III. Смерть и посмертие

Рассмотренные ранее упоминания простолюдинов из числа мирян в уставах дворянских обществ Франконии сравнительно редки и крайне скучны на подробности, что требует привлечения дополнительных источников для раскрытия их полноценного функционала. Факт наличия подобных упоминаний связывается в первую очередь с необходимостью решения ряда вопросов, касающихся взаимодействия дворянской организации с прочими участниками социума или вынужденной необходимостью получения требуемых обществу средств, как в случае обращения к ростовщикам. Совсем иначе в уставах дворянских обществ фиксируется взаимодействие их участников с неблагородными представителями сословия духовенства.

К категориям духовных лиц, упоминаемых дворянами в собственных уставах, в первую очередь следует отнести священнослужителей. Фигура священника возникает в дворянском обществе в случае смерти кого-либо из его участников. Организации погребения почившего соратника, заупокойных и поминальных месс посвящена значительная доля статей дворянских уставов Франконии²⁶. Для осуществления всех необходимых церемоний необходимо было приглашать священников. Этот вопрос получил пристальное внимание со стороны членов общества Застежки. «Мы также должны установить одного из наших соратников, который обеспечит по меньшей мере двенадцать священников, которым мы должны дать по пять шиллингов денег каждому, и мы должны дать каждому из них еду и питье. И еще мы дадим им свечи и фонари для церемонии вместе с пятьюдесятью фунтами воска», – сообщает устав общества²⁷.

Смерть соратника и его последующее упокоение наряду с турнирами и общими собраниями являлись одной из ключевых точек соприкосновения участников общества, одной из его важнейших активностей. По призыву главы все его члены были обязаны прибыть к погребальной церемонии и заупокойной мессе²⁸. В случае смерти соратника его украшение – символическое выражение членства в обществе, следовало вернуть главе или, при наличии возможности, передать по наследству вместе с местом в организации²⁹. Смерть составляла органическую часть функционирования дворянского общества. После погребения в капелле Девы Марии в Нюрнберге или Вюрцбурге Застежка усопшего возвращалась капитану общества, вместе с тем нередко высекаясь в камне надгробной плиты, изображавшей похороненного дворянина³⁰. В капелле также вывешивались гербовые «погребальные» щиты почивших соратников³¹. В позднесредневековой Франконии представители низшей знати тем самым вписывали членство в обществе в родовую память, а сама организация отвечала за формирование и поддержание коллективной *Memoria*. Ее неотъемлемой частью становилась «правильная» реализация похорон и последующего посмертия участника общества путем включения его имени в поминальные мессы об умерших соратниках. Идея «правильной» смерти была хорошо известна немецкой аристократии. М.А. Бойцов детально описывает, как эрцгерцог Альбрехт VI пытался убедить собственного слугу в том, что его болезнь вызвана травмами, полученными на турнире во Фрайбурге, поскольку умереть от последствий столь «рыцарственного» занятия достойно дворянина³². Необходимость организации подобающей погребальной церемонии и последующей памяти об усопшем неизбежно требовала привлечения священников. Значимость данных процедур для членов дво-

рянских обществ является причиной регламентации их деятельности в рамках ключевых для организации документов – уставов.

Потребность в привлечении священников для реализации функций дворянского общества подтверждается частотой обсуждения вопросов регламентации их деятельности. Члены Застежки, включив статьи о регламентации похорон и заупокойных месс в первоначальный устав 1392 г. собирались для обсуждения данных процедур в 1405 и 1467 гг.³⁵ Согласно дополнению 1467 г. упомянутые ранее двенадцать священников должны привести с собой капелланов, которым также полагается еда и вознаграждение за услуги, и отслужить панихиду после погребения³⁴. Священникам полагалось также исполнить тридцать заупокойных месс по каждому усопшему соратнику³⁵. Присутствие духовных лиц из числа простолюдинов сопровождало одну из ключевых для существования общества процедур – наследственную передачу членства. «<...> Тем не менее, должен капитан всем соратникам об умерших братьях сообщить, чтобы по каждому умершему брату было отслужено тридцать месс как положено, и следующий наследник к заупокойной мессе своих отца или друзей может прибыть, щит, меч и копье принести и передать застежку и взнос двадцать гульденов и может принять [наследство] как положено»³⁶. Тем самым, осуществляя церемонии по упокоению соратника общества, священники отвечали не только за посмертное перемещение его души, но и путем «приобщения» его к Memoria общества способствовали осуществлению его ретрансляции следующему поколению наследников.

Схожие практики мы находим в уставе общества Лебедя, учрежденного в 1440 году бранденбургским маркграфом Фридрихом II. Его участники также обязывались оплачивать заупокойные мессы, содержание главы капитула и священников в церкви Девы Марии в Бранденбурге. «*Все в этом обществе должны в трехдневный пост каждой четверти года четыре богемских гроша давать главе капитула и его собратьям на горе (горе Бранденбург, где располагалась церковь Девы Марии, отведенная маркграфом обществу Лебедя, – К.О.), за то они должны бдениями и заупокойными мессами четыре раза в год память всех умерших в этом обществе прославлять и их поименно упоминать и народную милость вымаливать. И когда кто-то в обществе умрет [украшение] общества, в котором он был, должно быть передано, и должно общество Пресвятой Деве послать вместе с тем пожертвование, тогда же глава капитула и его собратья за них бдение и заупокойную мессу совершить должны*»³⁷. В отличие от неблагородных мирян, необходимых членам дворянских обществ по преимуществу в функциональном отношении, священники и иные духовные лица становились частью системы дворянского благочестия³⁸. Даже наиболее маргинализированные элементы социума находят место для упоминания в уставах, если речь идет о христианских практиках. Так, налагаемые обществами штрафы на участников, не соблюдающих различные положения устава, соратники Лебедя предписывают не принимать в общую кассу, а отдавать беднякам³⁹. Тем самым в отношении практик, связывающих дворянство с исполнением христианских добродетелей, число упоминаний простолюдинов в уставах возрастает сравнительно с исключительно прагматическими упоминаниями, описываемыми ранее.

Франконские дворянские уставы отличаются сравнительно большей информативностью в отношении упоминаний представителей неблагородных сословий, нежели аналогичные документы из других регионов Верхней Германии. Выше демонстрировалось, что для общества Застежки вопрос обеспечения присутствия священников при отправлении похоронной церемонии почивших соратников был предметом первоочередной дискуссии между членами общества наряду с проведением и участием в турнирах. Общество Лебедя также проявляло исключительную заинтересованность в исполнении собственными участниками духовных практик. В чем заключается причина подобного интереса к регламентации дворянского благочестия именно в среде низшей знати Франконии? Ключевым

обстоятельством, на наш взгляд, здесь является широкое распространение поклонения Деве Марии среди дворянства региона⁴⁰. В период позднего Средневековья во Франконии фигура Богоматери занимает ключевое место в череде святых покровителей дворянских обществ, превосходя наиболее популярный для рыцарства культа святого Георга. Это обстоятельство стало причиной формирования особой системы дворянского благочестия, ставшей важной частью жизни обществ, вследствие чего регламентированной и отраженной в статьях уставов. Почитание Девы становится нормативным требованием для членов общества: «*Мы должны принести и соблюдать клятву, что каждый день к чести и славе Пресвятой Девы с искренностью и благоговением обязуемся возносить семь молитв Pater Noster и Ave Maria, или вместо этого давать беднякам семь пфеннигов и все вечерни [Пресвятой Девы], как ежегодно отмечается в святой церкви, поститься, и сами праздники с подобающим достоинством справлять*»⁴¹. Само общество, по замыслу маркграфа, создавалось в честь Богоматери⁴². От его участников требовалось быть достойными собственной покровительницы. «*Здесь не должно быть прелюбодеев и уличенных в нецеломудрии ибо целомудренная мать верно достойна целомудренных слуг*» – заключает устав Лебедя⁴³.

Тем самым в отношении неблагородных представителей духовенства или простолюдинов, потребных обществу для отправления духовных практик, применяется иная логика, нежели к социально-политическим контактам с иными сословиями. Их присутствие в тексте уставов обусловлено их ролью в коммеморативной политике дворянских обществ и их участием в реализации дворянского благочестия⁴⁴. Упоминание данных категорий простолюдинов, таким образом, выходит за пределы чисто прагматического назначения и отражает стремление дворян-участников отразить один из сущностных аспектов функционирования общества, структурную часть его *raison d'être*.

IV. Заключение

Отношения благородного и неблагородных сословий в период Средневековья характеризуются многогранностью и социальным динанизмом. Для исследователя в равной степени невозможно выстроить модель данных отношений исходя исключительно из антагонизмов и взаимных стереотипов, равно как и вовсе их игнорировать. Преломляясь в широкой череде социально-политических интеракций, они едва ли могут быть выражены исключительно в амбивалентных категориях. Члены дворянских обществ и городского патрициата находили различные пути высказывания собственных стремлений и требований, благодаря чему коллективная активность дворян и горожан, такая как совместная трапеза или многомерное взаимодействие в рамках турниров, становилась возможной. Отражение фрагментов данных отношений в виде упоминаний простолюдинов в уставах закрытых и эгалитарных дворянских обществ обусловлено фактической невозможностью полностью избежать взаимодействия с социумом в процессе функционирования.

Упоминания различных категорий простолюдинов в уставах дворянских обществ Франконии имели различное функциональное назначение. Они регламентировали практики необходимого взаимодействия – со слугами, ростовщиками, властями городов, потребные для осуществления деятельности организации. Вместе с тем категории духовных лиц получали с их стороны наибольшее внимание именно потому, что их присутствие выходило за рамки чистой прагматики. Они составляли важную часть практик самовосприятия и саморепрезентации дворянства, являясь участниками не просто вынужденного сообщения с внешним миром, но составляя важную часть внутренней организации коллективных практик, выступавших в качестве одной из целей существования дворянского общества – создания коллективной коммеморативной традиции и совместного исполнения ритуалов дворянского благочестия.

Подобные соприкосновения дворянских обществ с прочими социальными акторами

демонстрируют глубину и многогранность данного феномена существования благородного сословия немецкоязычных земель позднего Средневековья. Интерпретация тенденции низшей знати к замыканию внутри собственной организации исключительно в терминах кризиса дворянства в значительной степени игнорирует ряд аспектов данной коммуникации⁴⁵. Ее свидетельства показывают, что находящееся в состоянии «осени» сословие оказывалось способно создавать образцы благородной культуры, вызывающие восхищение и тенденцию к подражанию со стороны преуспевающего городского патрициата. Оно не было глухо к духовным исканиям предреформационной эпохи, стремясь запечатлеть и выразить собственные образцы христианского благочестия. Активное вовлечение дворянства в социальные процессы порождало широкое взаимодействие благородных и простолюдинов, результаты которого все еще требуют внимания современных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 122.

² Die Geschichten und Taten Wilwolts von Schaumburg / Hg. von A. Keller. Stuttgart, 1859. S. 2.

³ Феномену дворянских обществ в позднесредневековой Германии посвящен ряд исследований. О причинах их возникновения, типах и социальной структуре см. подробнее: Ritterorden und Adelsgesellschaften im spätmittelalterlichen Deutschland: Ein systematisches Verzeichnis / Hg. von H. Kruse, W. Paravicini, A. Ranft. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. S. 13-38; Ranft A. Adelsgesellschaften. Gruppenbildung und Genossenschaft im spätmittelalterlichen Reich. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1994. S. 28-34; 183-249. Storn-Jaschkowitz T. Gesellschaftsverträge adliger Schwureinungen im Spätmittelalter: Typologie und Edition. Teil 1. Berlin: Logos-Verlag, 2007. S. 13-20; 195-220.

⁴ См. например уставы франконских обществ Медведя и Единорога (опубликованы Ж. Морслем): *Morsel J. Geschlecht versus Konnubium? Der Einsatz von Verwandtschaftsmustern zur Bildung gegenüberstehender Adelsgruppen* (Franken, Ende des 15. Jahrhunderts) // Historische Anthropologie. 2014. Bd. 22 (1). S. 37, 42; устав общества Лебедя: *Das Buch vom Schwanenorden: ein Beitrag zu den Hohenzollerischen Forschungen* / Hg. von R. Stillfried und S. Haenle. Berlin, 1881. S. 36. Для турниров см., например: *Nachrichten über die Turniere zu Würzburg und Bamberg in den Jahren 1479 und 1486* / Hg. von A.L. Gumpenberg // Archiv des Historischen Vereines von Unterfranken und Aschaffenburg. 1867. Bd. 19. (2). S. 173.

⁵ Гипотезу о причинах локализации подобных упоминаний именно в материалах дворянских обществ Франконии см. в части III настоящей работы.

⁶ Pope B. Relations between Townspeople and Rural Nobles in late medieval Germany: A Study of Nuremberg in the 1440s. PhD Dissertation. Durham University, 2016. P. 115-127; Idem. Nuremberg's Noble Servant: Werner von Parsberg (d. 1455) between Town and Nobility in Late Medieval Germany // German History, 2018. Vol. 36. P. 179.

⁷ Ochs H. Ritteradel und Städte. Bemerkungen zu ihrem Verhältnis am Beispiel der Kämmerer von Worms und der Vögte von Hunolstein // Kommunikationsnetze des Ritteradels im Reich um 1500 / Hrsg. von J. Schneider. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2012. S. 91-110.

⁸ Zott T. Adel, Bürgertum und Turniere in deutschen Ständen vom 13. bis 15. Jahrhundert // Das ritterliche Turnier im Mittelalter / Hrsg. von J. Fleckenstein. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. S. 470-471.

⁹ К. Граф справедливо отмечает, что игнорирование взаимных стереотипов дворянства и горожан друг о друге опрометчиво для историографии, делающей акцент лишь на позитивных сторонах их взаимоотношений. См.: Graf K. Feindbild und Vorbild: Bemerkungen zur städtischen Wahrnehmung des Adels // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1993. Bd. 141. S. 132. Т. Цотц также делает акцент на том, что при всем интересе горожан дворянские турниры скорее были разорительными и даже опасными для них: Zott T. Op. cit. S. 473-474. Сама претензия горожан на участие в турнирах составляла весомый повод для конфликта. Так, на рубеже 1470-80-х гг. широко известна полемика патрициата Страсбурга с дворянством Четырех Земель по поводу их участия на турнирах. Об этом см. подробнее: Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 166-167; Brady T.A. Jr. Patricians, nobles, merchants: internal tensions and solidarities in South German urban ruling classes at the close of the middle ages

// Social Groups And Religious Ideas In The Sixteenth Century / Ed. by M.U. Chrisman, O. Gründler. Kalamazoo: Western Michigan University, 1978. P. 38-45.

¹⁰ См. в целом: Fouquet G. Stadt-Adel. Chancen und Risiken sozialer Mobilität im späten Mittelalter // Sozialer Aufstieg. Funktionseliten im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit / Hrsg. von G. Schulz. München: Oldenbourg Verlag, 2002. S. 171-192.

¹¹ Эти представления находят многочисленные подтверждения в источниках. См., например: Nachrichten über die Turniere. S. 174; 2. Die Geschichten und Taten. S. 50-51; Eigenhändige Aufzeichnung des Siegmund von Gebssattel über die Turniere von 1484-1487 // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. 1853. Bd. 1. Coll. 69. Рассмотрение данных представлений в современной историографии см. в целом: Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 102-109; Morsel J. Geschlecht versus Konnubium. S. 14-15, 24-25; Idem. Geschlecht und Repräsentation. Beobachtungen zur Verwandtschaftskonstruktion im fränkischen Adel des späten Mittelalters // Die Repräsentation der Gruppen: Texte — Bilder — Objekte / Hrsg. O.G. Oexle, von A. Hülsen-Esch. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. S. 259-326.

¹² Fouquet G. Op. cit. S. 180.

¹³ Об этом см. далее.

¹⁴ Campe R. 'Schutz und Schirm: Screening in German During Early Modern Times // Screen Genealogies. From Optical Device to Environmental Medium / Ed. by C. Buckley, R. Campe and F. Casetti. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. P. 52, 57.

¹⁵ Die Bamberger Turnierordnung von 1478 / Hg. von H. Gradl // Bericht des Historischen Vereins Bamberg. 1883. Bd. 45. S. 89; Nachrichten über die Turniere. S. 167.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Применение обращения «милостивые господа» в отношении городских властей довольно показательно. Традиционно применяемое в отношении вышестоящих в феодальной иерархии, оно демонстрирует понимание равной политической субъектности княжеской и городской власти дворянами Франконии. Данная тенденция отмечается и другими исследователями. Традиционно считается, что обращение дворянства с заявлением о себе как о «бедных благородных слугах (armen edel knechten)» применялось исключительно в отношении вышестоящих господ — графов, князей, императора. См.: Morsel J. Adel im Armut- Armut im Adel? Beobachtungen zur Situation des Adel im Spätmittelalter // Armut im Mittelalter / Ed. O.G. Oexle. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2004. S. 152-154. Однако Б. Поуп, исследуя корреспонденцию Нюрнберга XV века убедительно показал, что франконские дворяне использовали его в коммуникации с властями города, который далеко не для всех из них выступал в качестве феодального сеньора или даже, напротив, был противником в файде. См.: Pope B. Relations between Townspeople and Rural Nobles. esp. P. 191.

¹⁸ Устав опубликован А. Ранфтом: Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 286-289; здесь см. S. 287.

¹⁹ Ibid. S. 160-161.

²⁰ Gumppenberg L.A. von. Die Gumppenberger auf den Turnieren: Nachtrag zur Geschichte der Familie von Gumppenberg. Würzburg, 1862. S. 125-131.

²¹ Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 26.

²² Данные отношения широко регламентируются статьями уставов. См., например, Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 286-287; Das Buch vom Schwanenorden. S. 37.

²³ Das Buch vom Schwanenorden. S. 37.

²⁴ Hennebergisches Urkundenbuch / Hg. vom K. Schöppach, L. Bechstein, G. Brückner. 1861. Bd. 4. S. 33. Cp. также: Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 287.

²⁵ Nachrichten über die Turniere. S. 209-210.

²⁶ Уставы франконских дворянских обществ не были единственными источниками подобного типа, содержащими упоминания духовных лиц. Упоминание священнослужителей характерно для дворянских обществ Святого Антония (1420/1435), Святого Хуберта (1444/1445), Святого Духа (1463), Святого Мартина (1496) и ряда других. Рыцарское объединение монастыря Этталь (1332) предполагало наличие 14 священников-членов организации наряду с дворянами. Однако данные общества в большей степени существовали с целью осуществления духовных практик, в то время как франконцы в не меньшей степени посвящали себя турнирам и иным чисто рыцарским занятиям, что делает упоминания священников в текстах уставов более примечательным.

²⁷ Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 287.

²⁸ Ibid. S. 286. См. также: Morsel J. Geschlecht versus Konnubium. S. 36.

²⁹ Ranft A. Adelsgesellschaften. S. 286. В случае добровольного ухода из общества или исключения

украшение также требовалось вернуть, см.: Morsel J. *Geschlecht versus Konnubium*. S. 38.

³⁰ Ranft A. *Adelsgesellschaften*. S. 286. О роли надгробий в формировании идентичности дворянства Франконии см.: Morsel J. *La noblesse dans la mort. Sociogenèse funéraire du groupenobiliaire en Franconie, XIVe–XVIe siècles // Autour des morts. Mémoire et identité* / Dir. par F. Thelamon, O. Dumoulin, J.P. Vernant. Rouen: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2001. P. 387–408; Drös H. *Zur Heraldik fränkischer Adelsgräber // Zum ewigen Gedächtnis. Beiträge einer Arbeitstagung des Württembergischen Landesmuseums Stuttgart, des Historischen Vereins für Württembergisch-Franken, des Bildungshauses des Klosters Schöntal und des Vereins Künstlerfamilie Sommer im Jahr 1999* / Hg. von P. Schiffer. Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 2003. S. 63–85.

³¹ Pilz K. *Der Totenschild in Nürnberg und seine deutschen Vorstufen. Das 14.–15. Jahrhundert // Germanisches Nationalmuseum*. 1939. *Anzeiger* 1936–1939. S. 57–112.

³² Бойцов М.А. Герцог, его слуга и смерть (Австрия, XV век) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового Времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000. С. 313, 315, 332.

³³ Дополнения к уставу общества Застежки опубликованы Т. Шторн-Яшковитц. См.: Storn-Jaschkowitz T. Op. cit. Teil 2. S. 79–83.

³⁴ Ibid. S. 82.

³⁵ Ibid. S. 80.

³⁶ Ibid. S. 79–80.

³⁷ Das Buch vom Schwanenorden. S. 37.

³⁸ Для франконского дворянства см. в целом: Machilek F. *Frömmigkeitsformen des spätmittelalterlichen Adels am Beispiel Frankens // Laienfrömmigkeit im späten Mittelalter* / Hrsg. von K. Schreiner. München: De Gruyter Verlag, 1992. S. 157–190.

³⁹ Das Buch vom Schwanenorden. S. 37.

⁴⁰ О марианском культе в среде франконского дворянства см. в целом: Machilek F. Op. cit. S. 184–188; Schreiner K. *Nobilitas Mariae. Die edelgeborene Gottesmutter und ihre edeligen Verehrer // Maria in der Welt* / Hrsg. von C. Opitz, H. Röcklein, G. Signori, G.P. Marchal. Zürich: Chronos, 1993. S. 113–242.

⁴¹ Das Buch vom Schwanenorden. S. 36–37.

⁴² Ibid. S. 35–36.

⁴³ Ibid. S. 37.

⁴⁴ О направленности дворянских обществ в сторону выработки особых форм благочестия говорит также то, что именно в статьях, посвященных регламентации деятельности священников и процедуры заупокойной мессы, вместо привычных для дворянских обществ понятий «Gesellschaft/Gesellen» словоупотребление меняется на «Bruderschaft/Bruder» характерных прежде всего для духовных организаций. См. Storn-Jaschkowitz T. Op. cit. Teil 2. S. 79–81.

⁴⁵ См.: Ranft A. *Einer von Adel. Zu adligem Selbstverständnis und Krisenbewußtsein im 15. Jahrhundert // Historische Zeitschrift*. 1996. Bd. 263 (2). S. 317–343.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойцов М.А. Герцог, его слуга и смерть (Австрия, XV век) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000. С. 303–338.
2. Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 357 с.
3. Brady T.A. Jr. *Patricians, nobles, merchants: internal tensions and solidarities in South German urban ruling classes at the close of the middle ages // Social Groups And Religious Ideas In The Sixteenth Century* / Ed. by M.U. Chrisman, O. Gründler. Kalamazoo: Western Michigan University, 1978. P. 38–45; 159–164.
4. Campe R. *‘Schutz und Schirm: Screening in German During Early Modern Times // Screen Genealogies. From Optical Device to Environmental Medium* / Ed. by C. Buckley, R. Campe and F. Casetti. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. P. 51–72.
5. Drös H. *Zur Heraldik fränkischer Adelsgräber // Zum ewigen Gedächtnis. Beiträge einer Arbeitstagung*

des Württembergischen Landesmuseums Stuttgart, des Historischen Vereins für Württembergisch-Franken, des Bildungshauses des Klosters Schöntal und des Vereins Künstlerfamilie Sommer im Jahr 1999 / Hg. von P. Schiffer. Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag, 2003. S. 63–85.

6. *Fouquet G.* Stadt-Adel. Chancen und Risiken sozialer Mobilität im späten Mittelalter // Sozialer Aufstieg. Funktionseliten im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit / Hrsg. von G. Schulz. München: Oldenbourg Verlag, 2002. S. 171–192.
7. *Graf K.* Feindbild und Vorbild: Bemerkungen zur städtischen Wahrnehmung des Adels // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1993. Bd. 141. S. 121–154.
8. *Machilek F.* Frömmigkeitsformen des spätmittelalterlichen Adels am Beispiel Frankens // Laienfrömmigkeit im späten Mittelalter / Hrsg. von K. Schreiner. München: De Gruyter Verlag, 1992. S. 157–190.
9. *Morsel J.* Adel im Armut- Armut im Adel? Beobachtungen zur Situation des Adel im Spätmittelalter // Armut im Mittelalter / Ed. O.G. Oexle. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2004. S. 127–163.
10. *Morsel J.* Geschlecht versus Konnubium? Der Einsatz von Verwandtschaftsmustern zur Bildung gegenüberstehender Adelsgruppen (Franken, Ende des 15. Jahrhunderts) // Historische Anthropologie. 2014. Bd. 22 (1). S. 4–44.
11. *Morsel J.* Geschlecht und Repräsentation. Beobachtungen zur Verwandtschaftskonstruktion im fränkischen Adel des späten Mittelalters // Die Repräsentation der Gruppen: Texte — Bilder — Objekte / Hrsg. O.G. Oexle, von A. Hülsen-Esch. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. S. 259–326.
12. *Morsel J.* La noblesse dans la mort. Sociogenèse funéraire du groupenobiliaire en Franconie, XIVe–XVIe siècles // Autour des morts. Mémoire et identité / Dir. par F. Thelamon, O. Dumoulin, J.P. Vernant. Rouen: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2001. P. 387–408.
13. *Ochs H.* Ritteradel und Städte. Bemerkungen zu ihrem Verhältnis am Beispiel der Kämmerer von Worms und der Vögte von Hunolstein // Kommunikationsnetze des Ritteradels im Reich um 1500 / Hrsg. von J. Schneider. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2012. S. 91–110.
14. *Pilz K.* Der Totenschild in Nürnberg und seine deutschen Vorstufen. Das 14.–15. Jahrhundert // Germanisches Nationalmuseum. 1939. Anzeiger 1936–1939. S. 57–112.
15. *Pope B.* Nuremberg's Noble Servant: Werner von Parsberg (d. 1455) between Town and Nobility in Late Medieval Germany // German History. 2018. Vol. 36. P. 159–180.
16. *Pope B.* Relations between Townspeople and Rural Nobles in late medieval Germany: A Study of Nuremberg in the 1440s. PhD Dissertation. Durham University, 2016.
17. *Ranft A.* Adelsgesellschaften. Gruppenbildung und Genossenschaft im spätmittelalterlichen Reich. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1994. 364 s.
18. *Ranft A.* Einer von Adel. Zu adeligem Selbstverständnis und Krisenbewußtsein im 15. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1996. Bd. 263 (2). S. 317–343.
19. Ritterorden und Adelsgesellschaften im spätmittelalterlichen Deutschland: Ein systematisches Verzeichnis / Hg. von H. Kruse, W. Paravicini, A. Ranft. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1991. 522 s.
20. *Schreiner K.* Nobilitas Mariae. Die edelgeborene Gottesmutter und ihre edeligen Verehrer // Maria in der Welt / Hrsg. von C. Opitz, H. Röcklein, G. Signori, G.P. Marchal. Zürich: Chronos, 1993. S. 113–242.
21. *Storn-Jaschkowitz T.* Gesellschaftsverträge adliger Schwureinungen im Spätmittelalter: Typologie und Edition. Teil 1. Berlin: Logos-Verlag, 2007. 518 s.
22. *Zotz T.* Adel, Bürgertum und Turniere in deutschen Ständen vom 13. bis 15. Jahrhundert // Das ritterliche Turnier im Mittelalter / Hrsg. von J. Fleckenstein. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. S. 450–499.

REFERENCES

1. Das Buch vom Schwanenorden: ein Beitrag zu den Hohenzollerischen Forschungen / Hg. von R. Stillfried und S. Haenle. Berlin, 1881.
2. Die Bamberger Turnierordnung von 1478 / Hg. von H. Gradl // Bericht des Historischen Vereins Bamberg.

1883. Bd. 45. S. 87–97.

3. Die Geschichten und Taten Wilwolts von Schaumburg / Hg. von A. Keller. Stuttgart, 1859.
4. Eigenhändige Aufzeichnung des Siegmund von Gebssattel über die Turniere von 1484–1487 // Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit. 1853. Bd 1. Coll. 67–69.
5. Gumppenberg L.A. von. Die Gumppenberger auf den Turnieren: Nachtrag zur Geschichte der Familie von Gumppenberg. Würzburg, 1862.
6. Hennebergisches Urkundenbuch / Hg. vom K. Schöppach, L. Bechstein, G. Brückner. 6 Bde. Bd. 4. Meiningen, 1861.
7. Nachrichten über die Turniere zu Würzburg und Bamberg in den Jahren 1479 und 1486 / Hg. von A.L. Gumppenberg // Archiv des Historischen Vereines von Unterfranken und Aschaffenburg. 1867. Bd. 19. (2). S. 164–210.

KNIGHTS, SERVANTS, DEATH: ON THE MENTION OF COMMONERS IN THE STATUTES OF LATE MEDIEVAL FRANCONIAN NOBILIARY SOCIETIES

© 2025 K.S. Osipov, A.A. Beltser

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article focuses on the interaction between the lower nobility and other social classes in medieval society, reflected, in particular, in the mentions of various categories of commoners in the statutes of Franconian nobiliary societies. The presence of such references in the most important organizational documents indicates the fundamental importance of regulating such communication. Drawing on the Society of the Clasp and Society of the Swan materials, the authors determine the functional and social purpose of the aforementioned categories of commoners within the organizational structure of noble societies. Their presence demonstrates the versatility and dynamism of relations between noble and non-noble members of society in the Late Middle Ages.

Keywords: Holy Roman Empire, Franconia, lower nobility, nobiliary societies. commoners.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-3-100-111

EDN: AEUJLL